

для рассматриваемого участка морфонологической системы древнегреческого языка решающим фактором стратификации позиций является маркированность, определяющаяся отношениями между членами альтернативного ряда. В статье устанавливается также лексическая представленность каждого из выделенных классов чередований.

Примечания

¹ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.

² См.: Козаржевский А.Ч. Учебник древнегреческого языка. М., 1993; Славянская М.И. Учебник древнегреческого языка. М., 2003; Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. М., 1953.

³ См., напр.: Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970; Берштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы. М., 1974; Касевич В.Б. Морфонология. Л., 1986.

⁴ Принципиально иной подход см.: Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Морфонология в описании языков. М., 1983.

⁵ Козаржевский А.Ч. Учебник древнегреческого языка С.85.

⁶ См., напр.: Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

⁷ Ильина Н.Е. Морфонология глагола в современном русском языке. М., 1983.

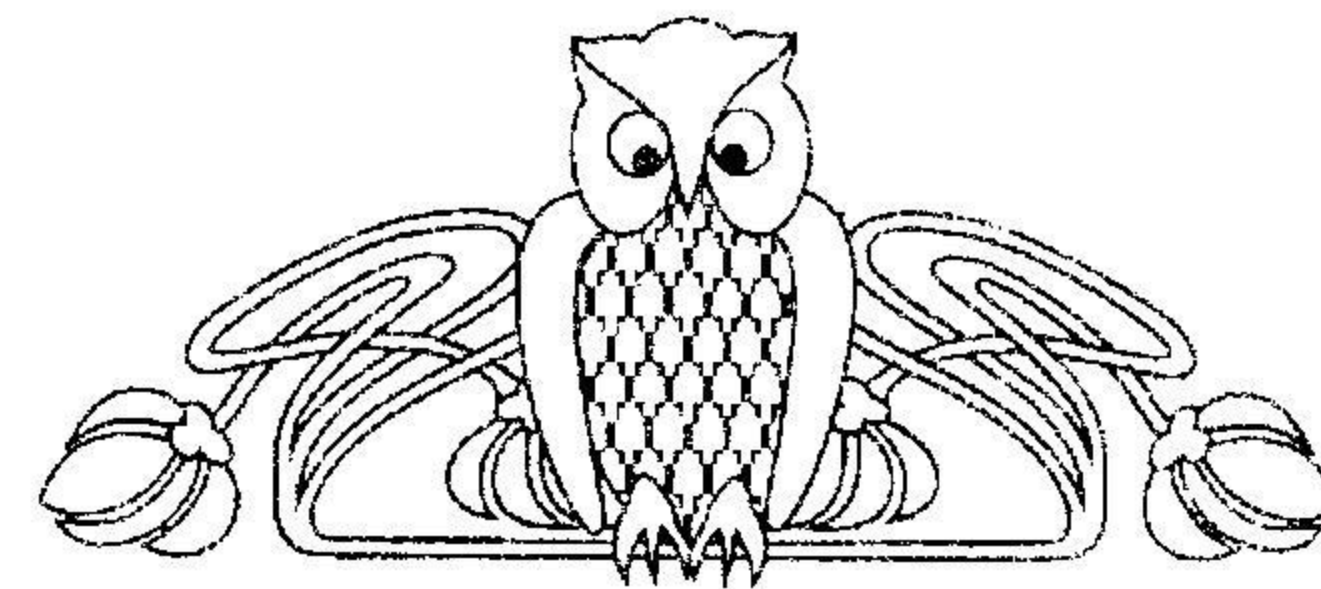
⁸ Бромлей С.В., Булатова Л.И. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

УДК 811.133.1

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЯЗЫКОМ КАРТУЛЯРИЯ ТУЛУЗСКОГО КОНСУЛАТА XII–XIII ВЕКОВ

Л.М. Лукьянова

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: Philology@sgu.ru

Статья посвящена исследованию латинского текста XII–XIII вв., который до этого не привлекал внимание лингвистов. Выделяются и классифицируются различные фонетические и лексические особенности. Они являются типичными для использовавшегося в то время в Провансе варианта средневековой латыни. Предложенные материалы могут в дальнейшем быть использованы в исследованиях романских языков.

Some Observations on the Language of the Cartulary of Toulouse

L.M. Lukjanova

The article deals with the language of the XII–XIII century Latin text that has so far never attracted the attention of the linguists. Different phonetic and lexical phenomena of the text are singled out and classified. They are representative of the variant of medieval Latin then used in Provence. Materials offered may serve as the ground for further study by scholars of the Roman languages.

Известно, что после падения Западной Римской империи (V в. н.э.) и образования на её территории варварских государств латынь как единый язык постепенно уходит и из него вырастают романские языки в соответствии с внутренними законами развития языка. Окончательно романские языки обособились в IX веке. Но латынь продолжает жить как язык государственных официальных доку-

ментов: международных договоров, постановлений муниципальных властей, церковных записей и т.п. На латинском языке составляются судебники первых варварских государств Западной Европы, так называемые «правды» (*leges*).

Эта традиция использования латыни в юридических документах сохранялась на протяжении всего Средневековья. Но неприятие христианской церковью языческой литературы привело к отходу от норм классической латыни, и поэтому язык нотариальных и церковных документов всё более пронизывается произвольными искажениями. Часто становится непонятным синтаксис, бывает трудно улавливать смысл фразы, и поэтому ранние средневековые документы в большинстве своём представляют *antilingua* – язык, утративший способность служить средством общения¹.

Лишь после того как при дворе Карла Великого (768–814) был принят ряд мер по возрождению образования и культуры, повышается грамотность нотариусов, составляю-

ших юридические документы, эти документы стали доступными для прочтения и понимания. К таким документам относится и Картулярный тулузского консулата, представляющий собой запись городских грамот с 1120 по 1279 год².

Он сравнительно недавно введён в научный оборот историками-медиевистами³, но никогда не привлекал внимания лингвистов.

Знакомство с хартиями позволяет утверждать, что тулузские нотариусы были людьми грамотными, ошибки и описки у них встречаются чрезвычайно редко, и для исследователя языка подобные случаи представляют особый интерес, так как разговорный язык не имел адекватного отражения в письменных текстах, и по ошибкам, встречающимся в грамотах, можно до известной степени восстановить некоторые языковые процессы.

В настоящей статье отмечены и классифицированы случаи отступления от норм классической латыни.

Это следующие явления:

1. Монофтонгизация дифтонгов.

Дифтонг *ae* почти всегда передаётся как *e*: *estate, penas, penam, cum edificio, rixe, hec, huius ville, equales, de cornu aule, prior ecclesie beate Marie, Virgini Marie, curie sue, ripe, post hec, femine, mensura avene, bestie, herbe, homines terre sue, facte essent, domus et capelle, cartarie, filie*.

В большинстве случаев монофтонгизируется *ae* в приставках:

prefatus, preparaverunt, prescriptum, prestare, prenominati, predictum.

Встречается единичный случай монофтонгизации дифтонга *oe*: *fedus*.

2. Написание *ci* перед гласными вместо классического *ti*, что отражает ассимилированное произношение этого сочетания перед гласными переднего ряда:

justitia, precium, dissencio, sedicionem, nuncium, sentenciam, iudicium, in capicio, pericia, presenciam, retencione, malicia, laudacio, retinencia, hospiciam, preciosus, forciam, pecierunt, infestacione, instanciam, habitanciam

Но есть случаи, когда в одних и тех же хартиях это сочетание передаётся то в классическом варианте, то в средневековом. Мы видим *quirenciam, serviciu*, но тут же *servitu-*

cio, dominacio; vendicio, и тот же самый нотариус в тех же хартиях пишет *venditio; racione* и *ratione; constitucione* и здесь же *dilacione; incarnatione, no rememorationis; peticio*, но в тех же грамотах *retentio, dominatio, absolutio*.

3. Упрощение геминат, чаще всего *mm*: *comunis, comunarii, comunario, comisit, gema, comodum, acomodaverint*.

В то же время имеются случаи написания двойных согласных там, где их не было в классической латыни. В некоторых грамотах вместо *resunia* *ressunia*, что, скорее всего можно объяснить механической опiskeй нотариуса, рука которого привыкла к написанию очень часто встречающегося слова *peccatum* «грех».

Многokратно повторяющаяся описка *set*, вместо классического *sed* «но», свидетельствует об оглушении *d* в конечной позиции.

4. Слово *damnum* «ущерб» в большинстве случаев зафиксировано с эпентезой «р»: *damprum*.

5. Есть случай синкопы краткого гласного: *farinam bene moltam* вместо классического написания *molitam*.

6. Группа *qu* перед *a* изменяется в *s*: *carta, carteria, cartone* вместо *quarta, quarteria, quartone*.

7. Встречаются случаи употребления придыхательного там, где в классической латыни его не было: *husus, husaticum, heneam, hedificium*.

По-видимому, это можно объяснить гиперкоррекцией.

Наблюдения над лексикой показывают, что в грамотах встречается довольно большое количество иноязычных слов. Одни из них проникли в латинский язык из греческого ещё в первые века христианства и выражают понятия, связанные с христианской религией. Все они приобрели латинские окончания и склоняются по нормам классического латинского языка. Почти в каждой грамоте можно увидеть *ecclesia, episcopus, evangelium, diaconus, presbyterus*.

Другие заимствованы из современных нотарию романских языков: *albaretum* «насаждения» — из испанского, остальные — из французского. При этом часто к основе

французского слова присоединён латинский формант: guerra «война» из guerre, barillus «бочонок» из baril, corseria «челнок, лодка» из corsaire «каперное судно», acorderium «согласие» из accordeur, banquus «банк» из banque, jornata «сутки» из jurnee «день», franquimentes «вольности» из franchise «привилегия, вольность», cavalcata «конное ополчение» из cavalcade «группа всадников», affaitator «кожевник» из affaitage «выделывание кож», blanquerii «сыромятники» из blanchir «отбеливать», fontana «родник» из fontaine «источник», bosa «пойма реки» из bocage «роща».

В одной из хартий употреблена форма forcientur «принуждаются», представляющая собой редкий гибрид, когда к основе французского глагола forscer «вынуждать» присоединено личное окончание латинского страдательного залога.

Влияние французского языка проявляется и в употреблении именных конструкций с предлогом de, выражающих принадлежность, свойство или количество: homines et femine de castris Albinelli – «мужчины и женщины кастелла Альбинелла»; ecclesia beate Marie de Aurate – «церковь блаженной Марии Аураты»; in capicio del Bazagle – «на плёсе Базакля»; mensura de blato – «мера зерна».

Известно, что в процессе исторического развития языков происходит расширение значения слова, т.е. увеличивается его семантический объём. В хартиях картулярия слово honor (в классической латыни «почесть») употребляется в значении «дарение земли», «поместье»; miles («воин») начинает обозначать «рыцарь»; claustrum («запор, замок») – «церковная ограда»; comes («спутник») – «граф»; dominus («хозяин») – «сеньор»; libertas («свобода») – «вольность»; villa («загородный дом») – «город», ejicio («выбрасывать, изгонять») стало означать «отлучать».

Очень распространены производные существительные со значением действующего лица (nomen agentis), образованные посредством суффиксов -tor, -sor, -arius: revenditor – «перекупщик», malefactor – «злодей», justificator – «ревнитель справедливости», passator – «примиритель», sartor – «портной», fidejussor – «поручитель», clavicula-

rius – «ключарь», salinarius – «солеторговец», sabatarius – «сапожник», frenarius – «уздечник», vinatarius – «торговец вином», corraterius – «скорняк», pellicarius – «меховщик», lavanderius – «мойщик шерсти», filanderius – «прядильщик».

Часто встречаются описательные формы (что не характерно для классической латыни): operarius lapidum – «каменщик», operarius lignorum – «плотник», lapides mensuriae – «гири».

Есть довольно много случаев субстантивированного употребления глагола posse – «мочь» в значении «власть»: mandaverunt se in posse et in obside – «вверили себя во власть и в залог»; in suo posse – «в его власти»; Arnaldus misit se in eorum posse – «Арналд предоставил себя их власти».

Что касается синтаксиса, то особых изменений по сравнению с классической латынью нет. Можно только отметить, что в обороте ablativus absolutus (встречающемся во всех грамотах без исключения) функцию причастия часто выполняет прилагательное: salvus omnibus juribus – «сохранив все права» (salvus – «невредимый, целый»). А нередко ablativus absolutus содержит только два существительных, одно из которых имеет аппозитивно-предикативный смысл: Raimundo episcopo – «когда епископом был Раймунд»; Idelfonse comite – «когда графом был Альфонс».

Для стиля картулярия характерно нагромождение семантически смежных слов, что вызвано юридическими потребностями: в данной сфере должны быть исключены всякие недоразумения и ложные толкования. Примером такого явления может быть следующий пассаж: Qui scienter occidet hominem, non defendet eum ecclesia, neque claustrum, neque salvitas. Similiter qui clam nocte intrabit domum alicujus et ibi furtum vel aliud malum faciet et inde fugiet in ecclesiam, vel in claustrum, vel in salvitatem, non defendat eum ecclesia, neque claustrum, neque salvitas («Кто намеренно убьёт человека, пусть не найдёт защиты ни в церкви, ни в монастырской ограде, ни в убежище; пусть ни церковь, ни монастырь, ни убежище не защитят его. Равным образом, кто тайком ночью войдёт в чей-либо дом и там совершит воровство или

иное злодеяние и после этого прибежит в церковь, или в монастырскую ограду, или в убежище – пусть ни церковь, ни монастырь, ни убежище не защитят его»).

Таковы основные особенности языка тулузского картулярия XII–XIII вв., который в основном близок к классической норме, но, будучи созданным в условиях большого изменения устной речи, не был свободен от многочисленных отступлений от этой нормы. Все эти отступления свидетельствуют о фо-

нетических и грамматических процессах, происходивших в языке, и дают богатый материал для исследователей, занимающихся историей формирования романских языков.

Примечания

¹ См.: Алисова Т.Б. и др. Введение в романскую филологию. М., 1987. С.77.

² Cartulaire du Burg: publ. par R. Limouzin-Lamothe. Tolosa: Paris, 1932

³ Стан С.М. Экономическое и социальное развитие раннего города. Саратов, 1969.